

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЧУЖОЙ
СРЕДИ ЧУЖИХ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Чужой среди чужих
Серия «Полковник Гуров»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182889
Чужой среди чужих: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35518-1*

Аннотация

Не думал Лев Гуров, приехавший в Калининградскую область для поиска особо опасного преступника, что попадет в такой переплет! Оказалось, что легендарный сыщик внешне очень похож на главаря местной преступной группировки, который скрывается от конкурирующей банды. И вот эти бандиты, приняв Гурова за главаря, принялись гоняться за полковником, обстреливая его по всем законам криминальных разборок. Туго бы пришлось без вины виноватому московскому следaku, да очень вовремя рядом оказался его верный друг и соратник Стас Крячко.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Николай Леонов, Алексей Макеев Чужой среди чужих

Глава 1

«Вот что хорошо в этих элитных поселках, так это полная уверенность их обитателей в собственной безопасности, – подумал Базиль. – Эта уверенность сильно облегчает работу. Заборы, шлагбаумы, охрана, камеры слежения – все это создает иллюзию силы, непреодолимости, надежности. Это как бы другой мир, в котором не действуют обычные законы. И самое смешное, что, в общем-то, так оно и есть. Просто если хорошо изучить этот диковинный механизм, он станет для тебя таким же ясным и понятным, как банальный будильник для часовщика. Конечно, для этого нужны опыт и талант и еще постоянная готовность учиться. Правильно сказал тот вождь с бородкой – учиться и учиться. Сейчас его несправедливо стали забывать, умный был мужик, что ни говори, по мелочам не работал».

Базиль умел и любил учиться. Обычаи, манеры, темы для разговоров, адреса, напитки – в кругу новых богатеев он держался по-свойски. Скромничал, конечно, больше слушал,

чем говорил, но это и приносило основные плоды. Дивиденды, как говорят эти деятели.

На этот раз Базиль рассчитывал взять серьезную добычу. Двоскин, коммерческий директор одной консервной фабрики, большой любитель поиграть в казино, как раз собирался снять со счета приличную сумму. На этот раз не для того, чтобы просадить ее за зеленым столом, а чтобы съездить, со вкусом отдохнуть – куда-то южнее тридцати шести градусов северной широты. И правильно, считал Базиль, отдыхать нужно именно там, где тепло и комфорт. Вот только он совсем не был уверен, что отдых необходим именно Двоскину. В конце концов, его, Базиля, работа более нервная и опасная. Да и не для того он так долго вынюхивал эту информацию, чтобы просто принять ее к сведению. Как говорится, деньги ваши – будут наши.

А потрудиться пришлось от души – во-первых, банковская информация, во-вторых, ходы-подходы к элитному поселку, в-третьих, сигнализация и замки в доме Двоскина. Базиль учел все, все выверил, все предусмотрел. Даже самый крайний случай.

Одно его беспокоило и смущало – нехорошее предчувствие. К таким вещам Базиль относился исключительно серьезно. Это предчувствие оплетало его в последние дни, как паутина. Оно не мешало, а только раздражало. Предвидя хороший куш, Базиль вполне мог перетерпеть это неприятное чувство, мог рискнуть и пройти по лезвию ножа, но отне-

стись несерьезно к нему он не мог. Предчувствие это уже два или три раза спасало ему свободу, или, что тоже вполне возможно, жизнь. Большею частью, правда, опасения оказывались напрасными, поэтому и сейчас Базиль прислушивался к ним, но дело делал.

А вообще, ему казалось, что кто-то постоянно торчит у него за спиной, подсматривает, подслушивает, проникает в его мысли, зарится на не положенную ему долю. Что ж, это было вполне вероятно – работает он в одиночку, но ведь не в космосе – все равно без помощников, явных и случайных, не обойтись. А что это за люди, никто кроме господа бога не знает.

Однако в решающий момент все пошло гладко, как по маслу. Базиль убедился, что Двоскин вместе с супругой отбыл на какое-то корпоративное мероприятие, которое должно было продлиться до поздней ночи, если не до самого утра. Для отхода у него был приготовлен японский байк, который Базиль позаимствовал у одного юного разгильдяя, обожающего ночные гонки и баночное пиво. Сопляк имел натянутые отношения с милицией, и это было Базилю на руку.

Вместе с мотоциклом он прихватил и шлем – эффектная фантастическая с виду вещь. Главное, что узнать человека, надевшего на голову подобный головной убор, было невозможно. Да Базилю и надо-то было всего проехать с полсотни километров. Далее он предполагал переодеться в одежду грибника, побродить немножко по рассветному лесочку и с

утренней электричкой прикатить в Москву. Корзинка с подберезовиками – лучшая маскировка. Насчет грибных мест Базиль тоже все выяснил заранее.

Замаскировав мотоцикл в неглубоком овражке, Базиль дождался, пока стемнеет, и отправился на дело. Кордон у въезда в поселок он миновал без труда. Не было проблем и с проникновением в дом Двоскина. Правда, тот был на сигнализации, но Базиль с этой системой был знаком.

Дом был пуст. Сейф хозяина Базиль нашел быстро. Конструкция была солидная, скрепкой не откроешь. В таких случаях Базиль предпочитал самый примитивный, но быстрый метод – подрыв. Главное было правильно рассчитать заряд и правильно заложить его. Недостаток этого метода заключался в том, что он был чересчур шумным, но и тут Базилю сыграло на руку стремление здешних аборигенов к обособлению. Обширная территория дома, прекрасная звукоизоляция, высокий забор.

Базиль заложил заряд и взорвал его. Дверцу снесло напроць, но аккуратно. Базиль не стал паниковать и сразу занялся делом. С первого взгляда было видно, что время он потратил не зря. Навар был солидный – шестьдесят тысяч зеленых, несколько пачек тысячных рублевых купюр – их Базиль даже не стал считать, еще какие-то финансовые документы, с которыми Базиль вообще не стал связываться – он не любил заморачиваться со всякими векселями, облигациями, вкладными, образования не хватало. С этими штуками

всегда можно было попасть впросак. Деньги были надежнее.

Зато в сейфе обнаружилось шикарное кольцо из самых настоящих бриллиантов – в этом Базиль ошибиться не мог, и, что самое смешное – боевой пистолетик системы «беретта». У Базиля имелась своя пушка, но, испытывая слабость к оружию, он задумался, не прихватить ли симпатичную и наверняка чистую «беретту»?

Он смахнул в сумку пачки денег и футляр с бриллиантовым колье и еще раз задумчиво повертел в руках изящную смертоубийственную игрушку. На рукоятке он заметил серебряную пластину с гравировкой. Судя по ней, оружие было еще и подарком. «Ну его к черту! – подумал Базиль. – Лишняя обуза».

И в этот момент окно кабинета, с наглухо задернутыми шторами, осветилось снаружи ярким светом, показавшимся Базилю ослепительным. Свет был электрический, и его самого словно электричеством прошибло. Тряхануло так, что каждая мышца в теле заиграла. В таком случае порыв возникает единственный – бежать. Но Базиль не стал терять головы. Беспорядочное бегство – прямой путь на нары. Руководствоваться нужно было разумом и действовать хладнокровно.

Базиль медленно застегнул «молнию» сумки. Шторы на окне опять потемнели. Что это значило – Базиль уже понял. Хозяин вернулся домой прежде времени. Свет от фар мог попасть в окно дома только в том случае, если автомобиль

уже въехал во двор через открытые ворота. Теперь Двоскин паркуется у себя в гараже. Тот самый момент, когда он должен заметить, что сигнализация отключена. Имелась слабая надежда, что сгоряча он может не обратить на это внимание. Мало ли почему он так внезапно вернулся. Допустим, на вечеринке с кем-то сцепился. Жена, допустим, с кем-то зафлиртowała или, наоборот, застучала самого Двоскина с какой-нибудь блондинкой в женском туалете. Тогда, если он сильно психует, то вполне может и не вспомнить про сигнализацию. Когда человек ежедневно выполняет какое-то действие, то рано или поздно теряет ориентировку и в какой-то момент уже не сумеет с уверенностью заявить, выполнил он сегодня это действие или нет. Поэтому пока Двоскин будет раздумывать над этим фактом, у Базиля появится возможность убраться из его дома. Только нужно не мешкать. Но как назло, загвоздка в том, что в дом Базиль попал тем же самым путем, что и хозяин сейчас – через гараж. Светиться на парадном входе или возиться с оконными рамами Базилю совсем не хотелось. Он решил аккуратно разминуться с хозяином и выйти так же, как и вошел. К сожалению, он не знал, один вернулся Двоскин или с женой. Если вдвоем, то Базилю будет в два раза сложнее выбраться. Поссорившиеся супруги стараются держаться друг от друга подальше, а значит, невозможно предсказать, где будет находиться один, а где другой. Тут нужен глаз да глаз.

Базиль уже собирался сунуть «беретту» обратно в сейф,

как вдруг послышались быстрые шаги и на пороге возникла смутная фигура. В тот же момент вспыхнули светильники под потолком. Базилю показалось, что вместо люстр у Двоскина установлены прожектора – таким беспощадным и ярким был свет.

– Какого хрена ты тут делаешь, мать твою!.. – зарычал Двоскин с порога, с ходу рванувшись в сторону Базиля, стоявшего возле раскрытого и выпотрошенного сейфа.

Видимо, он и в самом деле здорово завелся на своей вечеринке. Только люди в состоянии крайнего раздражения способны вот так, без оглядки переть на чужака в страшной черной маске с прорезями для глаз, с пистолетом в руке и неизвестно с чем в башке, как сказал бы поэт. Возможно, Двоскин был из тех странных типов, что убеждены в своей неуязвимости – бывает такой дефект мозга.

Как бы то ни было, но Двоскин двинулся на Базиля – полный решимости, с бледным от злости лицом, в расстегнутом светлом плаще, из-под которого выглядывал галстук в голубоватую полосочку. Этот галстук почему-то особенно врезался Базилю в память. Ему тоже нравились галстуки в полосочку.

Базиль понял, что сейчас начнется бедлам с криками о помощи, с опрокидыванием мебели, с битьем окон и прочими удовольствиями. Он снял «беретту» с предохранителя, поднял ее и выстрелил в Двоскина уже почти в упор.

Двоскин как от удара кулаком отлетел чуть-чуть назад,

сморщился, точно проглотил что-то горькое, разом сложился в коленях, в поясище и плюхнулся на пол.

В горячке Базиль даже не ощутил громкого звука выстрела. Для него все выглядело так, словно происходило под водой. Ему только оставалось гадать – слышали выстрел в поселке или нет.

Впрочем, до этого здесь прозвучал грохот и посильнее, но тогда все двери в доме были Базилем предусмотрительно закрыты. Хотя не исключено, что кто-то что-то все-таки слышал и по-соседски позвонил Двоскину на мобильный. Такой вариант был маловероятен, но все равно было самое время уносить ноги.

С «береттой» теперь было все ясно. Базиль аккуратно положил ее в сейф, перешагнул через неподвижное тело Двоскина, погасил свет, вышел из кабинета и прислушался.

В доме не раздавалось ни одного звука, хотя в коридоре горел свет и за дверью смежного коридора было светло. Наверняка Двоскин врубил светильники и в гараже тоже. Но Базиль был готов поклясться, что больше в доме никого не было.

Он оказался прав. Возвращаясь через гараж и гася за собой везде свет, Базиль нигде не услышал ни звука и не почувствовал запаха, свойственного женщинам. Вернись Двоскин с женой вместе, сейчас везде бы струились ароматы – дамочки всегда выливают на себя массу пахучих жидкостей. Нравятся ли ему эти запахи, Базиль никогда не задумывал-

ся, но они, несомненно, помогали ему в подобных случаях ориентироваться.

Итак, он был один, если не считать отключившегося Двоскина (возможно, навеки отключившегося). Таким раскладом нужно было пользоваться, не теряя ни секунды.

Базиль вышел через гараж и сразу нырнул в тень. Этот чертов Двоскин уже успел запалить прожектор над самым входом в гараж – вокруг все просто сверкало. Вполне возможно, Базиля мог кто-то видеть из соседних домов. Само по себе это ничего не значило. В поселке все еще было тихо. Никто не пытался схватить дерзкого чужака, никто не вызвал милицию, не поднял на ноги охрану. Пользуясь тишиной и спокойствием, Базиль перемахнул через забор, прокрался за пределы поселка, спустился в овражек, вывез оттуда мотоцикл, прикрепил сумку с добычей к багажнику и вывел железного коня на дорогу. Через минуту его поглотила ночная тьма.

Глава 2

Девушка, оформлявшая Гурова в гостиницу, была привлекательна, любезна и даже улыбалась ему естественно, как родному. Впрочем, как раз на этот счет Гуров не слишком обольщался. Конечно, для своих лет он был вполне ничего – высокий, подтянутый, спортивного вида джентльмен, превосходно одетый, да еще с интересной сединой на висках, – но вряд ли его персона способна вызвать искреннюю улыбку у молоденькой особы. Просто, видимо, сотрудники здесь привыкли держать марку. Все-таки бывшая Восточная Пруссия, близость Запада, высокие стандарты, ненавязчивый сервис.

– Будьте любезны сообщить примерный срок, на который вам понадобится номер, – лучезарно улыбаясь, предложила девушка. – Это необходимо для более оперативной работы. У нас сейчас большой наплыв приезжих. Отдыхающие, командированные... Кстати, как мне вас записать? Цель приезда и так далее... Все-таки пограничная зона, понимаете? – как бы извиняясь, добавила она.

«Ага, значит, с бдительностью у нас по-прежнему все в порядке, – подумал про себя Гуров. – Бдительность у нас все равно превыше сервиса. Что ж, похвально. А если у меня нет причин сообщать тебе о целях моего приезда, милая? Придется врать, как это опять же у нас заведено».

– Лев Иванович Гуров, предприниматель, – сказал он. – Прибыл к вам по коммерческим делам. Буду вести переговоры с деловыми партнерами о поставках... Думаю, за неделю управлюсь.

– А я думала, вы простой командированный, – просто-душно сообщила девушка. – Обычно предприниматели у нас выбирают номера подороже. Заботятся о престиже.

– Я не собираюсь приглашать никого в номер, – сухо пояснил Гуров. – Мне просто нужен угол, где я мог бы спокойно передохнуть. А сорить деньгами не привык, знаете ли. Воспитан в другое время. А перевоспитаться еще не успел.

Лев Иванович Гуров, полковник МВД, старший оперуполномоченный по особо важным делам, не имел никакого отношения к предпринимательской деятельности. Пожалуй, по меркам этой милой девушки, он и в самом деле не тянул выше простого командированного. Если бы не одно немаловажное обстоятельство – в Калининградскую область Гуров действительно приехал в командировку, вот только командировка была совсем не простая. У Гурова имелась информация, что в этот маленький городок у залива перебрался некий весьма опасный гражданин по фамилии Базилевич, более известный под кличкой Базиль. Он подозревался в ограблении, разбое, покушении на убийство и еще во многих малоприятных вещах. Полковник Гуров возглавлял группу, осуществлявшую розыск этого субъекта. В последнее время Базиль куролесил в Москве и окрестностях, но по-

том вдруг притих, исчез, казалось, растворился. Последним его художеством, судя по почерку, было вооруженное ограбление загородного дома некоего Двоскина – прямых улик и свидетелей преступления не было, да и сам Двоскин едва выжил после выстрела, произведенного в него грабителем.

Его показания дошли до Гурова с большим запозданием, да и, по правде сказать, большой информативностью не отличались. Двоскин объяснил, что в тот злосчастный вечер отправился на вечеринку совместно с «дражайшей», как он иронически выразился, половиной.

– Только идиот мог притащить свою бабу туда, где этого добра и без нее хватает, – доверительно поведал Двоскин Гурову. – Ясное дело, она закатила мне сцену уже в первые полчаса пребывания на вечеринке. Испортила настроение. Я плюнул на нее, на всю компанию, сел за руль и попер домой! Как в кювет не слетел, не знаю. Злой был как черт! И признаться, за воротник уже заложил, конечно... А домой прихожу – там этот! Представляете, на башке эта дурацкая то ли шапка, то ли маска – черная, только две дыры для глаз. В сейфе у меня роется, как бомж в помойке! Ну, я тут вообще рассвирепел! Ну, думаю, порву сейчас к чертовой матери!.. Ну, завелся, что тут скажешь!.. А он в меня так преспокойненько из моей собственной пушки – шлеп! Тут у меня все в глазах и потемнело. Ну, а остальное вы знаете... Что пропало, я уже следователю продиктовал. Полагаю, что ошибок в списке не будет – вроде ничего я не пропустил. Деньги там

были, колье в подарок... Но ясное дело, если этот хрен до-
рвался, то уж, наверное, все выгреб подчистую!

– Судя по всему, так оно и было, – подтвердил Гуров. –
Хотя вы и спугнули преступника. Кстати, очень неосторожно
поступили. В пословице говорится – пуля дура... Ваше
счастье, что все закончилось относительно благополучно.

– Да злой я сильно был, – со вздохом признался Двоскин. –
Весь на нервах. А тут еще вижу, негодяй какой-то в моем
сейфе копается...

– Негодяй-то неплохо был осведомлен о вашем хозяй-
стве, – заметил Гуров. – Вы когда его увидели, не узнали,
часом? Может, предположения какие-нибудь имеются?

– Нет, не узнал. Одежда темная, без особых примет, маска
эта дурацкая вязаная... Ниндзя какой-то, а не человек. Ну
и сами понимаете, присмотреться у меня к нему времени не
было. Сразу он в меня и бабахнул. Может, хоть на пистолете
отпечатки оставил?

– Да если бы! – усмехнулся Гуров. – В перчатках работал.
Сейчас все грамотные стали. Без перчаток разве что кур в
деревне воруют. Однако есть у нас предположения, кто мог
на такое пойти. В подробности вдаваться не буду, но версии
есть. Правда, их несколько, и на их разработку потребует-
ся время. Ну и сами понимаете – чем больше мы будем во-
зиться, тем быстрее будут таять надежды на то, что похищен-
ное удастся вернуть в полном объеме. Поэтому, если вдруг
вспомните что-то, что может навести на след, – сразу сооб-

щайте!

Однако на след Гурова навел не потерпевший, а один из неофициальных осведомителей. Он намекнул, что искать Гурову следует Семена Базилевича, по кличке Базиль. Доказательств этот осведомитель не приводил, но про Базиля говорил с уверенностью.

– Слухи через третьи руки, но верные, – убеждал он Гурова. – И по времени все сходится. И еще говорили, что подался он к Балтийскому морю. Ясное дело, не под своим именем – документы у него липа, но липа первый сорт. Говорят, обожает он это дело – в Прибалтике оттягиваться. Даже место, где он особенно любит останавливаться, могу назвать, господин полковник!

Несмотря на названное конкретное место – маленький городок на побережье моря, – доклад осведомителя не выглядел особенно убедительным, однако, к удивлению Гурова, его непосредственный начальник, генерал Орлов идею командировки в Прибалтику поддержал.

– Бери своего Крячко, – распорядился он, – и по свежим следам поезжай! Много времени дать не могу. Неделя – это предельный срок. Если Базиль именно там, думаю, вы его прищучите без труда. Только не вздумайте, когда брать будете, своими силами обойтись! Не в тылу врага небось! В местное УВД обратитесь – помогут.

Полковник Крячко, старый друг и напарник Гурова, с которым они делили один кабинет в главке, новость о команди-

ровке воспринял с энтузиазмом. Помимо профессионального интереса, на это у него была еще одна причина – в том самом городке, где предположительно отсиживался Базиль, у Крячко имелся какой-то дальний родственник. Отношений с ним полковник Крячко не поддерживал и даже не представлял себе, как он выглядит, но теперь вдруг вспылал родственными чувствами и даже в преддверии встречи купил настоящую «Белую лошадь» в подарочной коробке.

Гостиниц в городке было раз-два и обчелся. Гуров выбрал «Янтарный берег», лучшую из них, поскольку был уверен, что разжившийся деньжатами Базиль поступит так же.

Полковник Крячко на гостиницу не претендовал, а сразу же поехал разыскивать родственника, рассчитывая на его гостеприимство. Комплексами полковник Крячко не страдал, держался со всеми рубахой-парнем и умел находить общий язык даже с отпетыми отморозками. Гурову все это было прекрасно известно, однако он посоветовал Крячко не обольщаться.

– Незванный гость, сам понимаешь... – сказал он ему, когда они расходились от вокзала в разные стороны. – Ты даже не удосужился предупредить человека. Свалишься ему как снег на голову. Когда он вежливо выставит тебя за дверь, найдешь меня в гостинице. Думаю, сегодня я весь день проведу здесь. И к обитателям присмотреться надо, да и устал я, признаться... В жизни не приходилось пересекать такое количество границ за столь короткое время!

Крячко согласился, что испытание выпало им непростое и они заслужили небольшой отдых.

– Сейчас действительно главное – присмотреться, – сказал он. – Не факт, что наш Базиль осел именно в этой гостинице. И вообще, в этом ли он городе? Вопрос! А я явлюсь с утра. Как штык! Санек меня выгнать никак не может, не верю. Все-таки родная кровь, хоть и зовется седьмая вода на киселе.

Мысленно Гуров сильно сомневался в надеждах друга. Тот ведь даже не мог толком определить, каким таким родственником является ему этот самый Санек. Седьмая вода на киселе – это было самое расхожее его объяснение. Слава богу, что он хотя бы знал имя и фамилию этого человека и примерный возраст. Поскольку Санек Державин (так звали родственника) еще не разменял сорока, Крячко решил, что будет называть его племянником.

– А вдруг все как раз наоборот? – насмешливо поинтересовался Гуров. – И племянник как раз ты? Если человек лучше разбирается в хитросплетениях вашего генеалогического дерева, то он может здорово обидеться!

– Не может такого быть! – уверенно возразил Крячко. – Наше дерево не какая-нибудь там ива плакучая. Наше дерево – это, знаешь, такой дуб! Эвкалипт! Нервы у наших мужиков, как канаты. Ты когда-нибудь видел, чтобы я обижался? Ну вот! Уверен, что и племянник мой из того же теста...

– Я насчет племянника не беспокоюсь, – подначивал его

Гуров. – Я больше насчет дяди...

Крячко с легкомысленным видом махнул рукой. Он был непрошибаем. К тому же его беспокоило сейчас совсем другое. Он уже мысленно представлял себе неспешную беседу с дядей-племянником за бутылкой «Белой лошади».

Договорились, что без крайней нужды созваниваться не будут.

– Дело к вечеру, – заявил Крячко. – А утро вечера, как известно, мудренее. Так что дай мне спокойно посидеть с родственником. А то знаю я тебя – у тебя в любую минуту интуиция сработает, и тебе захочется версию обсудить. А между прочим, хуже нет, когда посреди застолья тебя вытаскивают, чтобы обсудить что-то... Уж тогда лучше ты к нам присоединяйся. Возьмешь такси, подъедешь – и обсудим. Что останется... А я, уж извини, обременю тебя немного – чемоданчик с вещами мой захвати, чтобы мне лишнего не таскать. Он легкий...

На том и договорились. Гуров устроился в гостиницу и поднялся к себе в номер, чтобы принять душ и переодеться к ужину.

Из окна была видна небольшая, мощенная булыжником площадь, посреди которой был разбит цветник. Большинство цветов уже увяло, и клумба казалась неухоженной. Напротив гостиницы сиял огнями ресторан под названием «Янтарь» – фантазией здешние дельцы явно не отличались. Зато разделение труда здесь соблюдалось четко. Гуров уже

знал, что ради ужина ему придется пересечь площадь и переместиться из «Янтарного берега» в «Янтарь». Возможно, негласная конвенция оговаривала это обстоятельство – крышу над головой предоставляет один, а кормит уже другой. Гурову сказали, что в самой гостинице нет даже бара, и любители промочить горло должны были позаботиться о себе сами.

Номер оказался неплохим. Несмотря на некоторую аскетичность, в нем было все, что нужно человеку для полноценного отдыха – мягкая кровать, душ, прекрасная звукоизоляция, современный телевизор. Комната была отделана в спокойных тонах, никаких надорванных обоев, никаких потеков на потолке, никаких следов от раздавленных окурков на подоконнике. Сантехника сверкала, как надраенная. Одним словом, номером Гуров остался доволен. Он попытался представить себе, как выглядит в этой гостинице дорогой номер, и получилось, что дорогой номер выглядит вообще великолепно. Однако Гуров никогда не был сибаритом и заводить обитателей дорогих номеров не стал. Вместо этого он основательно поплескался под душем, а затем облачился в вечерний костюм – со всей тщательностью столичного гостя. Разыгрывая роль предпринимателя, можно было экономить на стоимости номера, но выглядеть нужно было безупречно. Кстати, и в целях конспирации красиво повязанный галстук дорогого стоит. Преступники чаще выглядят джентльменами, чем те, кто их ловит. И надо сказать, все к этому при-

выкли.

В ресторане, несмотря на вечерний час, имелись свободные столики, и Гурову удалось даже уединиться, причем в таком удобном месте, откуда открывался превосходный обзор – был виден весь зал и вход. Сам же Гуров, находящийся в некотором полумраке, не бросался никому в глаза.

То есть так ему показалось в первые минуты. Он заказал ужин и стал ждать, когда официант принесет заказ. При этом он ненавязчиво оглядывал зал и в вечерних туалетах людей, сидящих за столиками. Большинство из них, как и следовало ожидать, были заняты своими делами и разговорами. За исключением парочки за столиком, который находился почти у самого выхода. Эти двое очень быстро обратили внимание на Гурова.

Он даже мог поклясться, что они не сводили с него глаз, и это было более чем странно. Он никогда прежде их не видел – ни мужчины, ни женщины.

Женщина выглядела лет на тридцать пять – тридцать восемь. Внешность ее вполне можно было бы назвать привлекательной, если бы не выражение озабоченности на узком смугловатом лице. К тому же эта женщина явно не желала ничем выделяться. На ней было простое темное платье, правда, выглядевшее на ее превосходной фигуре вполне элегантно. Стрижка у нее тоже была простая – короткие черные волосы. Минимум украшений. Скорее всего, она была похожа на преподавательницу какого-нибудь солидного учебного

заведения. Ее спутник был ей под стать – худой, даже костлявый, с торчащими под синим пиджаком лопатками. Волосы на его макушке топорщились, галстук сидел криво. Типичный чудака-ученый из какого-нибудь несерьезного фильма.

Однако Гурову очень не понравился взгляд этого чудака. В нем тоже читалась озабоченность, и эта озабоченность явно относилась не к успеваемости гипотетических студентов или проблемам спутницы, а прямо к личности Гурова. В этом Гуров тоже мог бы поклясться, хотя объяснений этому феномену не находил, как ни ломал голову.

Ни мужчина, ни тем более, разумеется, женщина не походили на разыскиваемого Гуровым Базиля. Они вообще не напоминали ему никого из героев криминальных хроник. Само собой, здешний преступный мир не был хорошо знаком Гурову, и полагаться в данном случае на память было сложно. Но вся штука заключалась в том, что если бы даже у Базиля имелись в городке друзья, им не под силу было бы вычислить Гурова, потому что его не знал и сам Базиль – их жизненные пути ни разу не пересекались – так уж сложилось.

Оставались две версии – или это действительно друзья Базиля и их волнует каждое новое лицо в городе, или Гурова приняли совсем за другого человека, по совсем другому поводу. Допустим, он похож на чьего-нибудь должника или на человека, обещавшего когда-то жениться и нарушившего обещание. Да мало ли какие возможны варианты. В любом случае пристальное внимание ничего, кроме вреда, прине-

сти сейчас не могло.

К счастью, парочка успокоилась довольно быстро (или сделала вид, что успокоилась) и закончила свою трапезу. Женщине это не стоило никакого труда, потому что, кроме стакана минеральной воды, она, похоже, ничего и не заказывала. А вот с мужчиной было сложнее. Несмотря на свою худобу, а может быть, как раз поэтому, он был намерен сегодня поужинать очень плотно. Обилие снеди на столе поражаало воображение. И больше половины кушаний так и остались нетронутыми, когда мужчина позвал официанта и расплатился.

Потом они с женщиной встали и направились к выходу. Костлявый вел свою спутницу под руку и изо всех сил старался не смотреть в сторону Гурова. Она же, напротив, на прощание бросила на Гурова такой жгучий взгляд, от которого ему стало немного не по себе.

Едва странная пара покинула ресторан, Гуров быстро поднялся и вышел следом – он намеревался выяснить, куда направятся эти люди, возможно, засечь машину, в которую они сядут. Но и женщина, и костлявый мужчина как сквозь землю провалились. Гуров в недоумении постоял на крыльце, а потом вернулся в зал и принялся за ужин, который уже доставил к его столику официант.

Он также попытался ненавязчиво разузнать что-нибудь о посетителях, но результатов это не принесло. Официант или не хотел откровенничать, или, что вероятнее, на самом деле

ничего не знал про мужчину и женщину, только что покинувших заведение.

В задумчивости Гуров закончил ужин и отправился обратно в гостиницу. Небольшое происшествие, которое только что случилось с ним и которое, пожалуй, и происшествием можно было назвать с большой натяжкой, тем не менее, встревожило его. Он очень не любил совпадений. Тем более трудно было ему поверить в совпадение сейчас, когда он прибыл в совершенно чужой город с совершенно определенной целью – напасть на след опасного преступника. Кого и почему он мог здесь заинтересовать или насторожить? Над этим стоило подумать.

Гуров неспешно пересек широкую площадь, над которой уже зажглись светившие розоватым светом фонари. Мимо него, взявшись за руки, прошли парень и девушка, оба высокого роста, оба в белых легких плащах и оба с длинными сигаретами. Когда в воздухе растаял запах дорогого табака, Гуров ощутил легкий холодноватый аромат моря, долетевший с ветром. Он подумал, что с большим удовольствием прошелся бы по песчаному берегу, по дюнам, посмотрел бы на серые волны и белых чаек. Море было совсем рядом, но пока у Гурова не было времени выбраться к нему, и он не знал, появится ли это время.

Гуров вошел в гостиницу и остановился в холле. Ему нужно было поговорить с девушкой за стойкой, чтобы выяснить, какое количество постояльцев находится сейчас в гостини-

це. Кроме того, он собирался задать ей несколько наводящих вопросов относительно некоего господина, возможно поселившегося в «Янтарном берегу», лет сорока, крепкого, среднего роста, с чуть выющимися русыми волосами и серыми глазами – так выглядел словесный портрет Базиля.

Гуров уже собирался направиться к стойке, как вдруг дверь за его спиной открылась и с улицы вошел какой-то человек. Гуров непроизвольно обернулся и увидел, что прямо на него идет Базиль.

«Хватай мешки, вокзал отходит! – потрясенно подумал Гуров. – Вот это номер! Можно сказать, три шестерки выпало. Даже и пальцем шевелить не пришлось. А Крячко «Лошадь» дует с племянником! Что же делать?»

Такая масса мыслей, точно табун взмыленных лошадей, разом пронеслась в его голове, но внешне это никак на нем не отразилось. Опыт многих лет работы позволил Гурову остаться внешне абсолютно равнодушным. Он лишь скользнул по лицу Базиля мимолетным взглядом и отвернулся.

По правде говоря, Гуров тут же припомнил странную парочку из ресторана и невольно связал в уме с ней внезапное появление Базиля, но почти сразу же отбросил эту идею.

Базиль также никак не отреагировал на появление перед ним Гурова. Он пристально посмотрел на него, но, кажется, ничуть не обеспокоился. Расслабленной походкой он прошел мимо и забрал у дежурной ключ от своего номера.

Гуров немного подождал, а потом с невинным видом от-

правился следом за Базилем. Тот все так же небрежно вышагивал по ступеням лестницы, помахивая ключом от номера.

Они поднялись на верхний этаж, и тут Гуров немного отстал. Ему показалось, что Базиль начинает слегка нервничать. Для начала было бы достаточно выяснить, в каком номере обитает преступник.

Базиль дошел почти до конца коридора, но перед тем, как вставить ключ в замочную скважину, быстро оглянулся на Гурова, который стоял у лестницы. Он оглянулся, и по этому взгляду Гуров понял, что Базиль что-то заподозрил. Это было почти катастрофой.

Базиль открыл дверь, нырнул в номер и закрылся в нем. Гуров бесшумно помчался по ковровой дорожке, которой был выстлан коридор. Сейчас нельзя было терять ни минуты – если такой прожженный тип, как Базиль, почувствует, что за ним следят, он немедленно постарается скрыться.

Через несколько секунд Гуров был возле двери номера. Осторожно потянув на себя ручку, Гуров убедился, что дверь надежно заперта. Он прильнул ухом к замочной скважине и почувствовал, что из щели ощутимо тянет сквознячком.

«Черт, а ведь он открыл окошко! – догадался Гуров. – Причем не сказать, чтобы погодка этому благоприятствовала. Свежо сейчас на улице-то! Для чего же ему открывать окошко? Уже не собираешься ли ты, брат, смазать лыжи?»

Гуров прикинул, сумеет ли быстро выбить дверь, и ре-

шил, что не сумеет. Бежать к администратору и объяснять, в чем дело, было поздно. Тогда Гуров сделал единственное, что оставалось в его положении – он постучался в соседний номер.

К его радости, постоялец, седой важный господин, одетый в серые брюки и белую рубашку, поверх которой, точно портупья, были перекинuty подтяжки, оказался в номере. Окинув Гурова суровым взглядом, он осведомился, что тому нужно.

– Всего лишь посмотреть в ваше окно, – вежливо ответил Гуров, предусмотрительно суя мужчине под нос свое служебное удостоверение с золотым гербом. – И если можно, то поскорее!

Ошеломленный господин в подтяжках отступил в сторону и беспрекословно пропустил Гурова в помещение. Тот бросился к окну и распахнул его, впустив в комнату зябкий ночной ветер. Выглянув наружу, он понял, что беспокоился отнюдь не напрасно. Сбоку по стене до самой крыши тянулась узкая пожарная лестница, и на этой лестнице темнела тень человека. Похоже, человек этот еще не решил – спускаться ему или подниматься на крышу.

– Базилевич, остановитесь! – негромко выкрикнул Гуров. – Куда вам бежать? Граница у нас на замке, не знаете разве?

Глава 3

Полковник Крячко не без труда нашел дом своего никогда не виданного родственника. Тот располагался на самой окраине городка, а лучше сказать, даже за окраиной. На расстоянии двух-трех сотен метров от городской черты среди дюн и высоких сосен образовалось нечто вроде поселка – ничего вычурного, но все дома здесь были добротные, из современных материалов, с высокими заборами вокруг участков. Впрочем, называлось местечко тривиально – улица Приморская. За заборами грозно рычали собаки. И за теми воротами, куда постучался Крячко, тоже послышался надсадный собачий лай.

Полковник Крячко был человеком не робкого десятка, но даже он почувствовал себя неуютно. Вокруг быстро темнело. С моря дул холодный неприятный ветер. Шумели сосны. В поселке однако еще не зажглось ни единого огня, и не было слышно ни единого звука, кроме недружелюбного собачьего рыка.

– Черт их знает, этих родственников! – пробормотал себе под нос Крячко, с некоторой растерянностью оглядываясь по сторонам. – Мчишься к ним через три границы, испытываешь неудобства, мечтаешь о встрече, думаешь прижать к груди дорогого племянничка... Ну, или дядю, на худой конец – а тут такой прием! Ну, допустим, не Москва, и до го-

рода рукой подать, но все равно обидно. Лучше бы мы в таком случае эту «Лошадь» с Левой раздавили... И что это за обычай такой – за глухими заборами прятаться?

Ворчал Крячко больше для поднятия собственного духа, поскольку прекрасно понимал, что никто его здесь ждать не мог и к встрече с ним не готовился. Однако плестись обратно ему очень не хотелось, поэтому Крячко еще несколько раз хорошенько ударил кулаком в ворота, вызвав у сторожевого пса приступ запредельного бешенства. Казалось, еще минута, и свирепый зверь снесет ограду, чтобы оказаться нос к носу с незванным гостем.

Крячко стало окончательно не по себе, и он решил, что, хотя родственные связи дело, конечно, хорошее, однако зацикливаться на них не стоит. Иногда посторонние люди оказываются ближе кровных родственников. Взять, например, Гурова. Он уж, по крайней мере, не отгораживается от людей высокими заборами и собаками. Хотя мог бы, потому что работа к этому располагает. Но, видимо, все дело в характере человека и в том, насколько спокойно он себя чувствует внутренне. Внутреннее спокойствие, был убежден Крячко, целиком зависело от того, насколько чиста у человека совесть. Правда, ему приходилось встречать немало людей, совести у которых вообще не было, но при этом они сохраняли поразительные спокойствие и невозмутимость, так что и здесь не было полной ясности. Одним словом, полковнику Крячко показалось странным и обидным предаваться фило-

софским размышлениям в полном одиночестве на отшибе среди полной темноты и собачьего лая. Он уже совсем собрался разочароваться в своей затее и отправиться назад в город, как вдруг в крепости его родственника произошло какое-то движение. Кто-то, не зажигая света, открыл дверь дома и почти неслышно прошелестел к воротам. Крячко сумел расслышать эти легкие шаги только потому, что собака при появлении хозяйки смолкла.

Шаги были, определенно, женские. Возможно, так легко и воздушно мог бы прошагать и мужчина, если бы он, например, танцевал в балете. Но вряд ли такой мужчина жил бы в маленьком городке у холодного моря, поэтому Крячко эту мысль отбросил – ему только еще родственника-танцовщика не хватало.

И в самом деле, из-за забора тут же донесся приятный, но слишком сердитый и озабоченный женский голос, и хозяйка поинтересовалась, кому не сидится дома в столь позднюю пору.

Крячко пора не казалась такой уж поздней, однако делая поправку на отдаленность района и мрачноватость обстановки, а также портящуюся на глазах погоду, он признал правомерность вопроса и попытался тут же успокоить взволнованную хозяйку, призвав на помощь все свое обаяние и добродушие.

– Свои! – объявил он. – Меня Стасом зовут. Стас Крячко. Я ваш дальний родственник. Из Москвы. Извините за сюр-

приз, но так уж получилось.

После тягучей паузы, которая показалась Крячко бесконечной, женщина, так и не открыв ворот, вынесла вердикт:

– Нема у нас родственников в Москве. Не морочьте голову. Убирайтесь подобру-поздорову, а то я сейчас мужа позову! Ступайте себе, гражданин!

– Мужа! Да мне как раз его и надо! – оживился Крячко. – Санек Державин ваш муж? Вот он-то и есть мой родственник! Вы позовите его, позовите!..

Последовала еще одна долгая пауза, после которой женщина сказала твердым голосом:

– Джек! Чужой! В дом не пускать! – после чего ее легкие шаги стали быстро удаляться в глубь двора.

Пес, имя которого было теперь известно, помалкивал, но Крячко буквально чувствовал сквозь забор его обжигающее дыхание. Наверняка зверюга была не слабее собаки Баскервилей. Связываться с ней Крячко абсолютно не хотелось, но ему вдруг стало ужасно любопытно, по какой причине его неизвестный родственник блюдет столь серьезные меры предосторожности. Что-то тут было не так, и Крячко захотелось немедленно во всем разобраться.

– Понятно, что граница рядом, – пробормотал он про себя. – Бдительность должна быть на высоте и все такое... Но отказываться от родных – это уж чересчур, по-моему...

До его слуха донеслось странное позвякивание из глубины двора. Крячко показалось, что с другой стороны открылась

калитка. Его словно кипятком ошпарило.

«Кажется, эта дамочка куда-то срочно намылилась! – мелькнуло у него в голове. – Рванула через черный ход! Вот так номер! Похоже, я ее не на шутку напугал. Но почему? В чем дело? Что тут такое вообще происходит? Что за тайны мадридского двора на берегу Балтии?»

Он понял, что не может спокойно и тупо стоять возле закрытых ворот, ожидая неизвестно чего. Ноги сами понесли его в ту сторону, куда, судя по всему, отправилась женщина.

Он обогнул кругом довольно длинный забор и, выглянув из-за угла, заметил, как от поселка в сторону моря устремилась невысокая хрупкая фигурка. Женщина явно спешила предупредить кого-то о визите незваного гостя. При этом самому гостю было недвусмысленно предложено убираться подальше. Такое поведение интриговало. Полковник Крячко несколько не казался себе сейчас неделикатным. Его специальностью и смыслом жизни было разгадывать загадки. Тем более интересна была ему загадка, касавшаяся его напрямую.

Однако он сделал ошибку. Посчитав, что успеет нагнать женщину, Крячко решил сначала найти потайную калитку, через которую она вышла. Калитку он, разумеется, обнаружил, но это ничего ему не дало – та была надежно заперта на хитрый замок, и к тому же за ней отчетливо различалось свирепое сопение все того же пса, а может быть, и другого. Выяснять их количество Крячко не планировал.

Тогда он перестал кружить вокруг забора и побежал вслед за женщиной. И тут же понял, что опоздал. Вокруг был лишь песок, редкие сосны и отдельные валуны, разбросанные в живописном беспорядке по местности. Где-то совсем рядом дышало море. В отдалении теплились огни городка, но здесь, на побережье, было почти темно, и очень скоро Крячко понял, что ориентироваться ему становится все труднее.

Женщины он нигде не видел. Разумеется, и речи не шло о том, чтобы различить ее следы на песке. Бродить вокруг сосен было еще бессмысленней, чем вокруг чужого забора. Крячко в растерянности остановился и некоторое время стоял неподвижно, прислушиваясь к шуму ветра и волн, набегających на песок.

Пора было возвращаться. Крячко с недоумением повертел в руках сверток с подарочной бутылкой виски, вздохнул и пошел обратно к темнеющему на фоне городских огней поселку. «Прав был Лева! – подумал он. – Зря я все это затеял. Даже ведь вот толком не знаю, кто кому кем приходится, а туда же – поперся в гости... Картина Репина – не ждали. Опять же пословица – незваный гость хуже татарина. У них тут свои дела, и ни в каких гостях они не нуждаются. Какая-то коммуна самогонщиков, что ли?»

Крячко уже дошел до самого дома своего негостеприимного родственника и снова поднял переполох среди окрестных собак. Станислав неодобрительно покосился на глухой забор, мимо которого шел, и беззвучно рассмеялся. Он пред-

ставил себе, какие комментарии выдаст по этому поводу Гуров. «Такой теплой встречи ни на одном высшем уровне не было! – смущенно посмеиваясь, думал Крячко. – Но уж и поговорить будет о чем. Чистый анекдот!»

Он миновал неприветливое поселение и по дороге зашагал к жилым кварталам городка. Никакого желания вернуться у него не было. Мыслями Крячко был уже с Гуровым. «Надеюсь, ему повезло больше, чем мне, – думал он. – Впрочем, если бы результаты были, он наверняка позвонил бы – намекнул хотя бы».

Дорога круто сворачивала вправо, удаляясь от морского берега. До окраинных домов было уже рукой подать, как вдруг из темноты на Крячко выскочили несколько человек.

Численность их он мог определить только примерно. Трое или четверо напали справа. Примерно столько же выскочили из-за спины. Действовали они молча и решительно. Крячко не успел опомниться, как ему поставили подножку и опрокинули на песок. Драгоценный сверток вылетел у него из рук, шмякнулся о придорожный валун и разбился вдребезги. На короткий миг в ночном воздухе возник аппетитный обжигающий аромат виски. Возможно, это обстоятельство и спасло полковника Крячко. Характерный аромат был отлично знаком напавшим на него мужикам, и они сразу же поняли, каких дел натворили. Конечно, как гласит пословица, лес рубят – щепки летят, но погибшая бутылка для русского мужика – это символ большого несчастья. На какой-то миг нападав-

шие оторопели и словно застыли, переживая случившееся.

Крячко уже давно было не до бутылки, и шансом своим он воспользовался в полной мере. Секундное замешательство позволило ему выполнить массу вещей. Оттолкнувшись спиной от земли, он рывком поднялся и тут же нанес удар ногой в пах мужику, который стоял к нему ближе всех. Затем Крячко схватил за грудки второго и, рванув на себя, отпустил в свободный полет, после которого тот приземлился, врезавшись физиономией в камень. Кажется, камень был тот же самый, и с физиономией произошло примерно то же, что и с бутылкой. Запаха, правда, при этом не появилось, но хрип, который издал ударившийся, звучал жутковато.

Однако удовлетворения от него Крячко получить не успел. На него снова накнулись, причем с удвоенной силой. Удары обрушились на него со всех сторон. Станислав принялся отбиваться со звериной решимостью, но понял, что дело его плохо.

Его били не только кулаками и ногами, но и короткими стальными прутьями. Ими были вооружены двое из нападавших. От первого контакта с железякой у Крячко просто перехватило дыхание, но от второго у него будто вспыхнул огнем весь позвоночник. Он потерял возможность двигаться и уклоняться от ударов и только едва шевелил конечностями, как издыхающее раздавленное насекомое. В голове у Крячко помутилось, и он забыл, что такое страх. Ему сделалось все равно. Новых ударов он уже не чувствовал. Просто его

сознание вдруг отделилось от него и, точно вспугнутая птица, унеслось в темную ночь – туда, где шумел ветер над волнующимся морем.

Очнулся полковник Крячко от пронизывающего холода. Его окружала полная тьма, и у него на секунду появилось ощущение, будто он лежит на дне Ледовитого океана. Но, собрав воедино разбегающиеся мысли, он понял, что лежит всего лишь на голой земле, твердой и, может быть, даже покрытой слоем асфальта. Во всяком случае, прибрежного пейзажа вокруг не замечалось. И было странно тихо – ни шелеста сосен, ни ветра – словно Крячко переместили в некое замкнутое пространство.

Он попытался подняться, и после некоторых мучений ему это удалось. Страшно ломило все тело. Каждое движение причиняло такую боль, что Крячко едва удерживался от того, чтобы не вскрикнуть. Особенно плохо было с позвоночником. Приложили его крепко. Однако ноги все-таки худо-бедно шевелились, и Крячко немного воспрянул духом – по крайней мере, можно было надеяться, что спинной мозг пока цел.

Ощупав себя со всех сторон, Станислав пришел к выводу, что хотя досталось ему хорошо, но, тем не менее, катастрофических повреждений ему удалось избежать. Не было ни серьезных переломов, ни тяжелой черепно-мозговой травмы. Он мог даже передвигаться и шевелить руками – правда, с некоторой натугой и стонами, но все же мог.

Убедившись в том, что он еще жив, Крячко принялся выяснять, где находится. Насчет этого у него имелись поначалу довольно мрачные предположения, но совсем скоро он понял, что брошен где-то на заднем дворе какого-то большого магазина. Двор был ограничен сплошной бетонной стеной – отсюда возникало ощущение полной тьмы и замкнутости пространства. Крячко нашел служебный вход в магазин, запертый на массу замков и оборудованный сигнализацией. У дверей валялись порожные ящики и бочки, а также стоял щит, оборудованный кое-какими противопожарными принадлежностями.

Поняв, что он не в могиле и не в темнице, Крячко окончательно приободрился. Он даже подумал, не нарушить ли ему целостность сигнализации, чтобы приехала вневедомственная охрана. В его положении помощь коллег была бы совсем не лишней.

Но прежде чем пойти на это, Крячко решил проверить, в каком состоянии находится его имущество. Избитый, в порванной и грязной одежде, без документов, да еще и при попытке проникнуть в запертый магазин – ничего себе будет картина! Пожалуй, потребуется порядочное время, чтобы убедить стражей порядка в том, что у него на уме не было ничего плохого.

Крячко обшарил свои карманы и несказанно удивился. Его документы, включая бесценное служебное удостоверение, были целы. Более того, из бумажника не пропало ни

единой копейки! Все, чего он лишился в результате ночного нападения, был мобильный телефон. Мобильник был старый, без особых наворотов, и вряд ли из-за него кто-то стал бы поднимать на ноги целую банду.

– Значит, били меня не в целях ограбления. В каких же тогда целях меня били? – принялся рассуждать вслух Крячко. – Скорее всего, чтобы не ходил, где не надо, и не спрашивал родственников, которых никогда не видел и не в курсе, чем они занимаются. Получается так. Попутно можно предположить, что не обчистили меня, потому что проверили документы. И, видимо, красть у московского опера даже этим паразитам показалось не совсем удобным. Но телефончик они все-таки забрали – это уже чисто техническая деталь. Боялись, чтобы я не вызвал подмогу. По этой же причине и на месте преступления меня не оставили. Перенесли в какой-то посторонний двор. Я не я, и лошадь не моя. Избили человека городские хулиганы, а он все перепутал и несет что-то несусветное про морской берег, про улицу Приморскую... Вот теперь все понятно. Даже на душе полегчало.

На самом деле Крячко толком так ничего и не понял. Происшествие казалось ему дурным сном. В бедной разбитой голове с трудом укладывались мысли о перипетиях его странного вояжа. Темная, кажущаяся вымершей улица в непосредственной близости от моря, брешущие собаки, невидимые, но злобные, точно дьяволы, зыбкая фигура женщины, убегающая куда-то в ночную темень, а потом безликая при-

зрачная банда, набросившаяся на него посреди пустой дороги... Бутылку дорогую расколотили.

– Глупость страшная! – решил Крячко. Он уже не хотел тревожить вневедомственную охрану. Только в больницу голову могла прийти такая мысль. – Будет одной глупостью больше, – продолжил он рассуждения. – Посоветуюсь сначала слевой.

Крячко, держась за стеночку, выбрался со двора магазина. Прямо перед ним открылась ночная улица, залитая туманным светом стилизованных под старину фонарей. Вытянутые в струнку трехэтажные аккуратные домики были погружены в сон. Тихо шелестели деревья. С моря все время налетал холодный ветер, лез под куртку и заставлял Крячко дрожать, как в лихорадке.

Память у него была хорошая, и в городских улицах Крячко ориентировался уверенно. Без колебаний выбрав направление, он поднял воротник и зашагал мимо спящих домов. Примерно через пятнадцать минут он вышел к площади с цветником посредине. С одной стороны сияла золотая неоновая надпись «Янтарный берег», с другой горела рубиновая вывеска «Янтарь». Ресторан уже не работал, да и в гостинице большинство помещений было погружено во тьму. Только в вестибюле горели огни.

Станислав поднялся на широкое крыльцо и толкнул стеклянную дверь. После уличной прохлады теплый вестибюль показался ему настоящим раем. Он сразу перестал дрожать

и, блаженно улыбаясь, направился в тот угол, где девушка, исполнявшая роль ночного портье, коротала время, болтая о том о сем с рыжим охранником в синей форме с нашивками «Янтарного берега». Увидев нового посетителя, оба молодых человека разом примолкли и заметно напряглись, а на широкой физиономии рыжего появилось выражение открытой угрозы. Он выпрямился, с хрустом расправил широкие плечи и, прищулив глаза, уставился на Крячко немигающим взглядом.

К счастью, Станислав сумел сообразить, что выглядит сейчас далеко не важно, а окружающие не обязаны догадываться, какие на него обрушились неприятности.

– Спокойно, ребята! – произнес он и сам удивился, как ненатурально и болезненно звучит его голос. – Я не попрошайка и не алкаш. Я вообще из милиции. Попрошу убедиться.

Он помахал в воздухе красной книжечкой, а потом, видя, что доверия у рыжего от этого не прибавляется, выложил ее на стойку перед заметно перепуганной девушкой. Выложил в раскрытом виде.

Девушка опасливо скосила красивые глаза на фотографию в удостоверении, а потом быстро перевела их на оригинал. Теперь в ее взгляде было сочувствие.

– Ой, – сказала она. – Кто это вас так? Неужели подростки? У нас тут вообще-то спокойно, но вот с подростковой преступностью беда! Сбиваются в стаи, как волчата, и по

ночам безобразничают. Но они обычно на девушек нападают, – добавила она, с сомнением разглядывая плотную фигуру Крячко. – Которые в одиночку поздно по городу ходят... Правда, таких случаев уже давно не было. С тех пор, как двоих таких посадили... Ну, в смысле не девушек, а насильников...

– Я вроде на девушку не похож, – усмехнулся Крячко, забирая удостоверение. – Хотя в одиночку прогуливался, каюсь. Потянуло к морю, понимаешь...

Станислава удивила реакция рыжего. Услышав про море, он понимающе кашлянул и поправил широкий пояс на форменных брюках. А когда Крячко удивленно посмотрел на него, отвел глаза в сторону.

«Он явно что-то знает, – подумал Станислав. – Для него совсем не новость, что прогулка к морю может закончиться мордобитием. Это для него как бы в порядке вещей. То есть не аксиома, конечно, но вероятность высока. Но стоит ли сразу в лоб задавать вопросы? Лучше подожду».

– Одним словом, лишился я своего мобильного телефона, товарищи, – признался Крячко, адресуясь, в основном, к девушке. – Ну и немного ребра мне намяли. У вас тут, видно, с телефонами напряженка...

– Странно, – замороженным голосом произнес рыжий. – У нас как раз на мобилы никто не кидается. У вас телефон, наверное, специально отобрали. Связь – первое дело. А вы зря вот так, в одиночку... – деликатно добавил он. – У нас,

конечно, народ здесь уважительный. Особенно, если гость из самой Москвы. Но есть и такой контингент, который... Ну, в общем, что я вам буду объяснять? Сами уже убедились.

— А в чем я убедился? — пожал плечами Крячко. — Шел себе, безо всякой задней мысли, воздухом дышал, до Приморской улицы дошел... Знаете такую?

— Да вроде слышал, — с неохотой сказал молодой человек и поспешил перевести разговор на другую тему. — А к нам сюда чего? Номер взять хотите или позвонить куда?

— Да, насчет номера! — опомнился Крячко. — Тут у вас мой товарищ уже снял номер. Только это информация такого рода, которую направо и налево разглашать не стоит. Его фамилия Гуров. Он спит уже, наверное, но...

— Он сейчас не спит, — быстро сказала девушка. — Его вообще в гостинице нету.

— Как нету? — насторожился Крячко. — А где же он?

— А тут вообще непонятная история получилась, — ответила девушка. — То есть, теперь, когда вы сказали, что из милиции, я кое-что начинаю понимать, а до этого вообще ничего не понимала... И с Федей вон советовалась. И Федя ничего не понял...

Рыжий Федя покачал головой.

— Да примерно все я понял! — возразил он. — А теперь вообще все как дважды два. Короче, ваш товарищ кого-то накрыл тут. Постояльца, короче. Тот на верхнем этаже проживал. Один в двухместном. Ваш товарищ за ним рванул, а он в

номер, а оттуда – через пожарную лестницу. Этот – за ним... Это потом уже сосед по номеру рассказал, журналист из Белоруссии, экономический обозреватель какой-то... За ним потом наши менты приезжали, на допрос возили. Теперь-то он спит уже, конечно... И еще они обыск в номере делали. Опечатали все... А ваш товарищ еще не вернулся...

– Ничего себе история! – нахмурился Крячко. – Выходит, пока я гулял себе, Лева этого артиста надыбал?..

Он немного подумал, а потом махнул рукой.

– Слушай, милая девушка! Все равно его номер пустует – дай мне ключ, а? Я хоть посплю пару часов. А там, глядишь, и Лева вернется. То есть полковник Гуров, конечно...

– Полковник? – растерянно произнесла девушка. – А мне сказал, что предприниматель. А я же сразу вижу, когда предприниматель. У них повадки совсем другие. А ваш товарищ, хотя и видный мужчина, но уж точно не предприниматель.

– Абсолютно точно, – согласился Крячко.

Глава 4

Гурову повезло в том, что Базиль не мог пуститься в бега, не захватив имущества. Само собой, чемоданы он не собирал, но пару сорочек и кое-какие ценные вещицы ему взять захотелось. На этом он потерял минуту-другую. Если бы не это, он, пожалуй бы, успел скрыться – слишком уж неожиданной оказалась встреча.

Другое дело, что бежать ему особенно было некуда. Приграничная зона, каждый человек на виду. Официальным путем уйти ему уже практически не удалось бы. Конечно, не исключались и пути неофициальные. На этот счет Гуров не обольщался. Наверняка у Базиля имелись связи в местных криминальных кругах. С деньгами он мог рассчитывать на серьезную помощь. Его вполне могли переправить за ближайшую границу, откуда достать его было бы уже крайне сложно.

Нет, брать Базиля нужно было немедленно. И главное, шанс он такой Гурову предоставил. Для него встреча тоже оказалась чересчур неожиданной.

Они оба покинули гостиницу не так, как вошли в нее – через пожарную лестницу. За их манипуляциями почти никто не наблюдал, за исключением солидного господина в подтяжках, который тоже мало что видел. Все произошло очень быстро. Базиль успевал шевелить извилинами и выказывал

недюжинное проворство.

К счастью, он не выбрал путь по крышам, а предпочел спуститься на землю. Едва прыгнув с лестницы, он припустил бегом к воротам небольшого парка, темневшего за гостиницей. Неяркие фонари на аллеях высвечивали неподвижные, почти монументальные силуэты старых деревьев. Они казались причудливыми сказочными скалами на призрачном острове посреди океана темноты.

Именно туда побежал Базиль. Кажется, он надеялся скрыться в тени деревьев, замести следы, перемахнуть через чугунную ограду и уйти потом в какой-нибудь переулок. Гуров понял, что если сейчас не выложится на полную катушку, то приобретет массу трудно разрешимых проблем на самое ближайшее будущее.

Оружие у него с собой было, но пускать его в ход Гуров не собирался. Обстановка пока что этого не требовала, да и не хотелось начинать свою работу с большого шума. В пограничной зоне его могли неправильно понять, хотя в глубине души Гуров имел претензии к тем, кто был обязан контролировать безопасность в этой самой зоне. Его несколько смущала та легкость, с которой сюда проник Базиль с поддельными документами. С другой стороны, он хорошо знал, насколько широкими стали возможности преступников в приобретении практически подлинных бланков для документов. Увы, такова была неприятная реальность, и с ней приходилось считаться. Все равно, как бы ни исхитрялись преступ-

ники, рано или поздно везение их заканчивалось. Это был неписанный, но неизбежный закон – что-то вроде законов физики, правда, нигде не записанный.

Однако сейчас Базиль стремился опровергнуть этот закон со всем жаром своей непутевой души. Он убегал от Гурова так, словно за это ему пообещали золотую олимпийскую медаль и пожизненную пенсию в твердой валюте.

Он тоже не хватался за оружие, но Гуров постоянно держал в уме тот факт, что оружие у этого человека есть непременно, и когда понадобится, он пустит его в ход, не раздумывая.

Не оглядываясь и не сбавляя темпа, Базиль пробежал сквозь ворота парка и сразу же нырнул вправо, под тень деревьев. Гуров молча мчался за ним, повторяя каждое движение. Базиль не стал прятаться в укромных уголках парка, а, лавируя между кустами и деревьями, рванул куда-то вбок.

Гуров предположил, что он бежит к запасному выходу. Однако вскоре стало ясно, что на уме у Базиля совсем другое. Опередив Гурова на пару десятков метров, он выскочил к чугунному литому ограждению, подпрыгнул и принялся карабкаться вверх.

Все-таки он был лихим парнем и в полной мере старался использовать свое преимущество в скорости. Несмотря на то, что ограда буквально щетинилась поверху острыми пиками, Базиль перелез через нее так же быстро и уверенно, как если бы это был покосившийся плетень вокруг деревен-

ского огорода.

Когда Гуров подбежал к забору, Базиль уже находился по его другую сторону и тут же опять обратился в бегство. Его коренастая фигура быстро удалялась в полумрак пустынной улочки. Мысленно Гуров посетовал на то, что в городке слишком тихо и маловато на улицах милицейских патрулей. Их вмешательство было бы сейчас как нельзя кстати.

Однако по-прежнему приходилось рассчитывать только на свои силы, и Гуров отважно полез штурмовать опасный металлический забор. «Видел бы сейчас кто-нибудь старого дурака! – с досадой думал он. – Сильно удивился бы! Картинка-загадка – что делает полковник Гуров на этом заборе? Хочет оказаться наколотым на иглу, как бабочка в коллекции юного энтомолога?»

Однако все обошлось. С некоторым трудом, но все же ограда была преодолена. Правда, фора беглеца увеличилась при этом до полусотни метров, и сбавлять темп он не собирался.

– Стой, Базилевич! – крикнул наконец Гуров, пытаясь воззвать к логике преступника. – Не усугубляй! Поднимем на ноги всю областную милицию – куда тебе деваться?

Базиль не стал отвечать на этот риторический вопрос, а вдруг свернул за угол какого-то дома и пропал. Гуров прибавил ходу. Возможность потерять преследуемого становилась все реальнее.

Очевидно, Базиль неплохо знал этот городок, и бегство

его было отнюдь не беспорядочным. Он знал, куда направляется. Гуров понял это, когда Базиль, пробежав по длинному, ограниченному с одной стороны сплошным бетонным забором двору, выскочил далее в следующий, темный и неуютный.

Этот двор оказался проходным. Из него имелось три выхода. Гуров едва не потерял Базиля, когда тот для отвода глаз швырнул камень в мусорный бак в углу двора. Гуров бросился туда, но в этот момент сам Базиль ненароком налетел в темноте на что-то в противоположном конце двора. Загремело разбитое стекло. Гуров развернулся и помчался обратно. Юркая фигура Базиля отчетливо мелькнула в освещенном промежутке между двумя трехэтажными домами. Но он тоже начинал уставать, и бег его стал шумным и медленным. Ориентируясь на топот подошв, Гуров побежал дальше.

Промелькнул еще один двор и еще один. Вдруг они с Базилем выбежали к наспех огороженному котловану, из которого торчали несколько вбитых бетонных свай. На краю котлована темнел силуэт бульдозера и вагончика без колес. За котлованом в некотором отдалении – видимо, за небольшим пустырем – теплились редкие огоньки жилого квартала. Кажется, это было именно то место, куда рвался Базиль, и котлован на пути оказался для него неприятным сюрпризом.

Он впервые оглянулся, чтобы хорошенько рассмотреть Гурова. Над котлованом горел прожектор, и в его свете отчетливо было видно, что лицо Базиля залито потом.

«А ты здорово выложился, парень! — с удовлетворением подумал Гуров. — Видно, не так уж ты крепок, как я сперва полагал. Нездоровый образ жизни, тут уж ничего не поделаешь!»

Наверное, и сам Базиль подумал о том же, и сделанные выводы заставили его нервничать. Он почувствовал, что положение его становится шатким, а надежды оторваться от Гурова постепенно тают.

Он занервничал и совершил первую серьезную ошибку — заметался у края котлована, а потом спрыгнул вниз, надеясь скрыться среди бетонных плит и свай котлована. На деле же получилось, что он сам себя загнал в ловушку. Гуров сразу прикинул, что выбраться из котлована будет гораздо сложнее, чем спуститься туда, и воспрянул духом.

— Базилевич! — снова окликнул он. — Давай поговорим наконец! Твоя песенка спета, неужели непонятно?

Поскольку ответа на его призыв не последовало, Гуров тоже спустился в котлован. Здесь на каждом шагу торчали острые углы плит, железные арматурные прутья, под ногами все время путалась какая-то проволока. Свет прожектора проникал не везде, и огромная яма была полна таинственных черных провалов, в каждом из которых мог затаиться Базиль.

Гуров осторожно пошел вперед, вглядываясь в темноту. Базиль действительно притаился в каком-то укромном углу, но вечно играть в прятки он не мог. До рассвета ему нужно

было основательно залечь на дно. Но строительный котлован мало подходил для его целей.

Базиль тоже прекрасно понимал это, а потому прибегнул к своему, видимо, излюбленному трюку. Не желая испытывать собственное терпение, он решил поймать Гурова прежде, чем тот поймает его. Базиль бросил в сторону камешек, а потом, различив движение между бетонных свай, выстрелил туда, где, по его предположению, находился Гуров.

Выстрел застал Гурова врасплох, но не причинил ему вреда. Пуля вылетела из темноты, ударилась о соседнюю сваю и, зажужжав, ушла вбок.

Дальше Гуров не стал раздумывать. Нужно было показать наглецу, что намерения в отношении его не менее серьезны. Гуров выхватил свой пистолет, выстрелил в воздух, быстро переместился на несколько шагов вправо и замер. В ту же секунду Базиль трижды выстрелил туда, где только что находился Гуров. Было слышно, как щелкают по бетону пули. А потом в стороне задребезжала проволока – это Базиль, не выдержав, снова обратился в бегство.

Стрельба имела и еще одно неожиданное последствие. Наверху в вагончике вдруг вспыхнул свет. На стройке находился сторож, а возможно, даже целая бригада рабочих!

Для Гурова это было приятное открытие. Для Базиля – вряд ли. Теперь ему определенно приходилось спешить, и он пошел ва-банк. Сломая голову он помчался по дну котлована, направляясь туда, где в свете прожектора вырисовыва-

лось что-то похожее на лестничные ступени. Теперь его было прекрасно видно, и Гуров без колебаний бросился за ним следом.

Они действительно бежали к деревянной лестнице. Но Базилью совсем не нравилось, что Гуров хочет составить ему компанию. В какой-то момент он остановился, обернулся и снова выстрелил.

Пуля взвизгнула у Гурова над головой. Он инстинктивно упал лицом в грязь, возможно даже замешанную на качественном цементе. Ворочаясь в грязи, он невольно усмехнулся, вспомнив, с какой тщательностью одевался сегодня к ужину. Пожалуй, для его костюма это был последний выход, так сказать, лебединая песня.

«Ну что же, раз пошла такая пьянка, – с легкой грустью подумал Гуров, – то режь последний огурец! Наживем костюмчик! Главное, чтобы шкура уцелела».

Насчет шкуры вопрос еще не был исчерпан. После выстрела Базиль принялся карабкаться вверх по деревянной лестнице, но едва Гуров снова поднялся на ноги, как он остановился и выстрелил еще два раза.

Выстрелил бы он и в третий раз, но тут уже боек шелкнул вхолостую – обойма в пистолете опустела. Гуров понял, что настал его час, и бросился вперед, точно атакующий мамонт.

Базиль не успел еще добраться до края котлована, как Гуров навалился на шаткую деревянную лестницу, до боли напряг все мускулы и медленно-медленно стал накренять ее

вместе с карабкающимся по ступеням Базилем.

Тот впервые за все время погони заорал что-то хриплым матом, попытался уцепиться за земляные стенки котлована, но потом рухнул вниз вместе с лестницей.

Гуров подскочил к нему раньше, чем Базиль успел прийти в себя после падения.

– Добегался, придурок? – злорадно спросил Гуров.

Он собирался надеть на оглушенного преступника наручники, но в этот момент Базиль, точно проснувшись, распрямился как пружина и пнул Гурова ногой в грудь. Тот отлетел назад, споткнулся о какое-то бревно и упал на спину. Уже приготовленные наручники полетели в грязь.

Положение поменялось мгновенно. Теперь уже Базиль был на ногах и лихорадочно пытался заменить в пистолете обойму. Он торопился и вдобавок был вынужден следить за Гуровым, памятуя о том, что у того тоже имеется оружие.

Однако Гуров не стал во второй раз доставать пистолет. Он предпочел разобраться по-другому. Прежде чем Базиль успел передернуть затвор, Гуров уже вскочил и с решимостью завязанного регбиста бросился на противника, ударив его головой и плечом в грудь.

Будучи тяжелее на десять-двенадцать килограммов, Гуров без труда сшиб Базиля с ног. Подняв его под себя, Гуров прижал руку с пистолетом к краю бетонной плиты и, преодолевая сопротивление, принялся колотить этой рукой о бетон, словно это была не рука, а сушеная вобла, с которой пред-

стояло снять шкуру.

Базиль завопил от боли. Он извивался, пытаясь вырваться или хотя бы перехватить другой рукой пистолет. Но у него ничего не получалось. Гуров разозлился по-настоящему.

– Я тебя по-хорошему просил, гада! – рычал он, стараясь превратить руку Базилья в отбивную. – Теперь не жалуйся! И учти, это был лучший мой костюм!..

По правде говоря, на Базиле тоже был неплохой костюм. Сейчас на дне котлована они оба были перемазаны как свиньи. И положение это только усугублялось, потому что, хотя Базиль и уступал Гурову, но никак не сдавался.

Неизвестно, как долго продолжалось бы это противостояние, но вдруг наверху как по волшебству взвыли сирены, заурчали моторы, и какие-то люди забежали по краю котлована, светя фонариками. А потом грянул голос, усиленный мегафоном:

– Эй, вы там внизу! Прекратите немедленно! И выходить по одному с поднятыми руками! Не сделаете сами – поможем, но тогда уж не обижайтесь!

Слова эти чем-то напоминали увещевания самого Гурова, и он понял, что сторож со стройки вызвал милицию. Или, возможно, отзвуки выстрелов сами достигли ушей местных коллег. Так или иначе появились они, хотя и с запозданием, но все-таки кстати. Даже Базиль понял всю бессмысленность сопротивления и покорно разжал наконец посиневшие пальцы. Пистолет выпал из его руки и плюхнулся в густую грязь.

– Ну что, допер все-таки? – сердито спросил Гуров, глядя Базилью в лицо. – Успокоился теперь или будешь дальше крутого строить?

– Ладно, начальник, сегодня твой день, – пробормотал Базиль. – Да пусти же! Мочи нет! Руку вообще не чувствую!

Гуров отпустил его. Базиль с большим трудом сел, придерживая разбитую руку здоровой. На лице его появилась гримаса страдания.

– Здоровый ты лось, начальник! – пожаловался Базиль. – Инвалида из меня сделал! Мне по моей работе руки здоровые нужны...

– Мозги тебе нужны! – оборвал его Гуров. – Только где их взять, верно?

– Ну вы там! – раздался сверху грубый металлический голос. – Долго мне ждать? Может, силу применить?

– Давай, страдалец! – сказал Гуров, помогая Базилью подняться. – Я сейчас лестницу установлю. А ты шагай вперед и без фокусов!

Через несколько минут лестница была установлена, и они оба выбрались наверх. Первым поднялся скрюченный, с распухшей рукой Базиль. За ним вылез Гуров и тотчас был скручен злыми парнями в форменных фуражках.

– Товарищ капитан, они грязные, как чушки! – пожаловался один из милиционеров. – Они нам всю машину уделают!

– Как уделают, так и вымоют! – заявил капитан, выступая

из темноты и освещая лицо задержанных ярким фонарем. — Кто такие? Оружие? Обыскать их!

Гуров, понимая, что слова сейчас бесполезны, терпеливо ждал результатов обыска. Грубые руки быстро обшарили его карманы, извлекли пистолет, документы, телефон, бумажник. Все это было быстро просмотрено. Вдруг милицкий капитан пораженно присвистнул и дернул фонарем.

— Виноват! — произнес он изменившимся голосом. — Вы, значит, у нас Гуров? Извиняюсь, товарищ полковник!.. Немедленно отпустить! Да не этого!

Гуров почувствовал, что свободен. Взмолвленный капитан протягивал ему документы.

— Пусть пока все у вас побудет, капитан! — устало сказал Гуров. — Сами видите, на кого я похож. Сполоснуться бы, да переодеться!

— А вы, простите, где остановились?

— Да в гостинице! Но тут такое дело, что сначала нужно вот с этим артистом разобраться. Он в столице много чего начудил. Я из-за него специально через три границы сюда добирался. Его по всей форме надо. Крупная дичь. Там внизу ствол с его отпечатками валяется. А при нем возможны ценности награбленные...

— Так точно! — раздался из темноты молодой голос. — При нем сумма денег приличная и драгоценности. С виду бомж, а в кармане кольцо бриллиантовое!

— Чудило ты, Брянкин! — снисходительно заметил капи-

тан. – При чем тут бомж, когда он с полковником в яме сцепился? Ты бы там был, тоже не лучше бы выглядел... Но суть не в этом. Раз такое дело, нужно товарища полковника к нам в отдел отвезти. Там он себя в порядок приведет, а этого артиста по всей форме оформлять будем. Протокол, следствие, обвинение. Как-никак, а задержание на нашей территории произошло.

– Постой, капитан, – удивился Гуров. – Задержание задержанием, но этого гражданина мне как можно скорее в Москву доставить нужно. У меня задание конкретное.

– Задание заданием, – в тон ему ответил капитан, – но быстро не получится, товарищ полковник. Тут у нас особая зона. Сами понимаете, кое у кого возникнут вопросы, каким образом опасный преступник сумел к нам проникнуть, да еще при огнестрельном оружии. Так что быстро никак не получится. Тут свои правила. Придется вам задержаться немного.

– Ну, не знаю, – пробурчал Гуров. – Завтра я с Москвой созвонюсь – пусть на своем уровне договариваются. Мне сейчас главное, чтобы этот Базилевич под замком оказался и чтобы мне в человеческий вид себя привести.

– Это сделаем, товарищ полковник! – успокоил его капитан. – Брянкин сейчас ствол разыщет, а я со следственной бригадой свяжусь. А с пограничной службой пускай уже следователь разбирается... Вы этого где же выследили?

– Он у вас в гостинице «Янтарный берег» обосновался, –

объяснил Гуров. – По правде говоря, так получилось, что не я его, а он меня выследил. Как говорится, на ловца и зверь бежит...

– Если бы я тебя выследил, ментяра, – с глубочайшей досадой сказал Базиль, на которого уже надевали наручники, – ты бы сейчас по-другому пел.

– Да кого интересуют мои песни? – усмехнулся Гуров. – Главное, что теперь ты запоешь. Выбор у тебя неплохой – и ствол, и вооруженное сопротивление, и кольцо с бриллиантами, и деньги из сейфа господина Двоскина... Для тебя, наверное, будет сюрпризом, что номера купюр были зафиксированы?..

– Интересно, – задумчиво произнес Базиль, глядя в черное небо над головой, – какая сука тебе меня заложила?

– Да кто ж тебе это скажет? – рассудительно заметил Гуров. – Нет, теперь пришла пора тебе говорить, а нам слушать.

На это замечание Базиль уже никак не отреагировал. Видимо, до него дошло, что игра проиграна окончательно и бесповоротно и никакой гонор ему уже не поможет.

– И куда же ты так упорно бежал, дорогой? – поинтересовался Гуров, который дорого бы дал за то, чтобы узнать, какие связи у Базиля в этом городке. – Рассчитывал, что дружки приютят? Где они проживают? Неподалеку?

– Да ладно, гражданин начальник! – с досадой сказал Базиль. – Какие дружки? Я похож на человека, у которого есть дружки? Ты на меня внимательнее посмотри! Я как одино-

кий путник в этом мире. А вокруг одни шакалы! Ну, ясное дело, о присутствующих мы не говорим... Но кое с кем посчитаться еще придется!..

– Если этот гастролер кого здесь знает, товарищ полковник, – произнес капитан милиции, – то мы про это быстро выясним. Слово даю. У нас эта публика тут вся как на ладони.

– Что и говорить, – не стал спорить Гуров. – Я сразу заметил, работают твои ребята оперативно. Можно сказать, на ходу подметки режут.

Глава 5

Гуров вошел в номер без стука, но Крячко, спавший на его кровати, проснулся мгновенно, открыл глаза и блаженно потянулся. Этот невинный порыв закончился однако тем, что он болезненно вскрикнул и, скорчив гримасу, тут же закончил свои физические упражнения, с трудом уселся на кровати. Он держался так странно, что Гуров прежде всего любопытствовал:

– С тобой все в порядке? Ты похож сейчас на фарфоровую фигурку, которая ужасно боится упасть и разбиться...

– Я бы уточнил, что фигурка уже упала, – с кряхтением отозвался Крячко, держась за поясницу. – И в значительной степени разбилась.

– Ага, значит, встреча с дядей все-таки состоялась! – сказал, усмехаясь, Гуров. – И как следовало ожидать, закончилась полным невзаимопониманием сторон. Горячительные напитки этому, конечно, способствовали... В общем, поздравляю!

– Взаимно! – проворчал Крячко, окидывая взглядом костюм Гурова, который, несмотря на все ухищрения, был теперь похож на половую тряпку. – Классный был костюмчик! Ты грязевые ванны принимал или преступника ловил?

– И то, и другое, – самодовольно сказал Гуров. – Во всяком случае, что-то полезное я все-таки сделал! Костюмчик

жалко, конечно, но черт с ним! Зато наш Базиль сидит за решеткой, и как только уладим формальности, так сразу же этапирруем его на историческую родину – в Москву.

– Везет некоторым! – вздохнул Крячко, ощупывая бока. – Опять все лавры тебе. А я ведь, ты не поверишь, даже глотка виски не сделал! Не лизнул даже!.. Только нюхал. А ты говоришь, спиртные напитки! Были напитки да сплыли!..

– Неужели родственник один все выдул? – засмеялся Гуров.

– Расскажу – не поверишь, – повторил Крячко. – Но все равно расскажу. Мне совет твой нужен – предпринимать мне что-нибудь дальше или черт с ним, с этим самогонщиком?..

Пока Гуров сбрасывал с себя загубленную одежду, Крячко поведал ему подробности своих ночных походов. Повествование он старался вести в ироническом ключе, но Гуров отнесся к нему совсем без юмора.

– Вот так попали. На ровном месте и мордой об асфальт! – заключил он, прежде чем скрыться в душе. – Мне с самого начала не нравилась эта твоя идея с родственником. И как видно, не зря. Твой дядя не простым фруктом оказался. А что с ним делать – это обмозговать надо. Давай сейчас приведем себя в порядок, позавтракаем в ресторане и все обсудим.

После душа, выбритые, в чистых рубашках, они преобразились. На дежурство уже заступила новая девушка, но когда Гуров вручал ей ключ от своего номера, она посмотрела на

него такими глазами, будто страшные сказки про этого милиционера ей рассказывали с детства. Ну, может быть, не с детства, но уж сменщица-то наверняка наговорила с три ко-роба. Здесь даже чистая рубашка помочь не могла.

– Зря вы так на меня смотрите, красавица! – добродушно заметил Гуров. – Я детей не ем. Скорее, наоборот.

– А этот? – замирающим голосом спросила девушка.

Гуров невольно оглянулся на Крячко.

– Нет-нет, – поспешно сказала девушка. – Я про того, который наверху у нас жил. Теперь его номер все время будет опечатан?

– Ну что вы! Сегодня еще раз подъедет следственная группа, осмотрим номер в моем присутствии и все, – добродушно сказал Гуров. – Думаю, осмотр не займет много времени. После обеда сможете поселить туда нового постояльца.

– Да? – недоверчиво спросила девушка. – А этот... Ну который там жил – он не вернется? Ну, за чем-нибудь? Говорят же, что преступники всегда возвращаются на то место...

– Это не то место, милая девушка! – успокоил ее Гуров. – И вообще, вряд ли ваш постоялец сумеет вернуться куда-либо в ближайшие семь-десять лет. Так что беспокоиться вам не о чем. Разве что возникнут проблемы с оплатой, но это уж меньшее из всех зол. Думаю, ваше руководство справится с потерями. А вам-то уж и подавно беспокоиться не о чем.

– Правда? – как-то без особой надежды произнесла девушка. – Ну ладно, а то мы тут все в напряге. У нас, знаете,

город тихий-тихий, а потом как отмочат чего-нибудь такое...

— Кто отмочит? — Гуров с большим любопытством уставился на девушку.

Она была худенькая, с короткой стрижкой и с большими серыми глазами. Если не присматриваться, то ее запросто можно было принять за старшеклассницу. Но Гуров заметил, что вокруг этих красивых глаз уже начали намечаться морщинки. Наверное, у «старшеклассницы» уже были свои дети.

— Да кто отмочит? — развела руками девушка. — Кто-нибудь. Мало ли. Всякие дела бывают. У нас море рядом, граница.

— Улица Приморская, — ввернул Крячко, испытующе глядя на девушку. — Райончик там у вас неудобный.

Серые глаза уставились на него с непониманием.

— Приморская? А там вроде рыбаки живут... Вроде ничего такого... — пробормотала девушка, не зная, как воспринимать слова этого странного человека, который почему-то ночевал в номере другого странного человека, записавшегося предпринимателем, а оказавшимся в результате полковником милиции.

Однако она хорошо запомнила, что говорила ей сменщица, и к тому же характер и жизненный опыт не позволяли ей идти на поводу у приезжих. Их было слишком много, они все строили из себя невесть что и непременно пытались воспользоваться неопытностью — как им казалось — скромной сероглазой девушки из маленького городка. Ее внешность

всегда обманывала самоуверенных мужчин.

– Знаете, – вдруг сказала она серьезно. – А у нас так не положено. Чтобы номер снимал один, а ночевал в нем другой. Во-первых, у нас все-таки режим, а во-вторых, за проживание платить надо. Это неважно, что вы, например, милиционер. Вы тоже должны соблюдать правила.

– Золотые слова! – похвалил Гуров. – Простите нас за эту вольность, но так получилось, что по независящим от нас обстоятельствам мы с коллегой провели эту ночь не там, где намерены были ее провести. Больше это не повторится. Мой товарищ сейчас же снимет номер, как положено. Только разрешите нам сходить позавтракать, ладно?

– Да господи! Вы хоть завтракайте, хоть обедайте – мне-то что! – воскликнула девушка.

– Тогда я вас попрошу, – делаясь серьезным, сказал Гуров, – если подъедет следственная бригада – сообщите им, что мы с коллегой находимся напротив в ресторане.

Они вышли из гостиницы. Крячко выглядел грустным, и не только потому, что у него болели намятые ребра.

– Ты заметил, Лева? – спросил он у Гурова. – У девушек мы вызываем все меньше интереса. И нас все чаще просят соблюдать правила. Когда я был красив и молод, меня очень редко об этом просили.

– Ты не преувеличиваешь? – отозвался Гуров.

– Насчет правил или насчет моей красоты? – поинтересовался Крячко.

– Правил, конечно, – усмехнулся Гуров. – Все равно в мужской красоте я не разбираюсь. А вот правила в наше время соблюдались куда строже, чем сейчас. Так что тут ты явно загнул. Просто тогда ты легче переносил неудачи.

– Это верно, – вздохнул Крячко. – И по морде получать было не в пример легче.

Они пересекли площадь и вошли в ресторан. Гуров без колебаний выбрал тот же самый столик. Он был свободен и сейчас, хотя в ресторане было не так уж мало народу. Видимо, окрестные жители привыкли завтракать как раз в это время.

Пока официант ходил выполнять их заказ, Гуров вдруг вспомнил про странное происшествие накануне.

– Представляешь, на этом самом месте я попал вчера под пристальное наблюдение! – сообщил он Крячко. – Мужчина и женщина. Уверен, что я видел их впервые в жизни. Но они пялились на меня так, словно встретили пришельца из потустороннего мира. Хотя старались не показывать этого. У меня даже мелькнула мысль, не связаны ли они каким-нибудь образом с Базилевичем. Но потом я отмел эту мысль, как абсурдную. Тем более что буквально через несколько минут он вывалился на меня свеженький и жизнерадостный, как младенец.

– Не вижу в этом ничего странного, – проворчал Крячко, – недоразумения случаются сплошь и рядом. Тем более, как правильно сказала эта девушка, рядом граница. Какого

только народу тут, наверное, не бывает. Тебя могли принять за кого угодно, хоть за короля острова Борнео. Меня же вот приняли черт знает за кого! И кто – родимый племянник!

– Может, он все-таки не такой и родимый? – задумчиво произнес Гуров. – В том смысле, что у человека свои дела, а ты тут навязываешься со своим родством...

– Понимаешь, я ведь ничего особенного не сказал, – объяснил Крячко. – Назвал фамилию. Свою сначала, а потом Санька. Родственник, говорю, из Москвы. А баба его отвечает – нету, говорит, у нас в Москве родственников! Вот ты бы отказался от родственников в Москве?

– Я думаю, в Москве у твоего Санька дел нет, – сказал Гуров. – А вот тут он определенно чем-то занят. И это занятие требует ночной темноты и отлучек из дома. Сужу об этом по твоему рассказу. Ведь как только женщина узнала, что ее мужа разыскивают, она сразу же побежала предупредить его об этом.

– Побежала, – согласился Крячко. – Ну а дальше-то что? У меня голова плохо соображает.

– А муж ей, видимо, сказал, что разберется с неожиданным родственником по-своему. И послал тебе навстречу ребят. Они проверили, кто ты такой на самом деле...

– Но они же по документам должны были понять, что я действительно Стас Крячко, родственник Саньки Державина!

– У тебя действительно голова плоховато работает, – со-

чувственно заметил Гуров. – Ты забыл, что за документы у тебя были в кармане? Да они как увидели твои корочки... Полагаю, твой родственник занимается чем-то противозаконным. И в тебе он видит не дядю и не племянника, а только старшего оперуполномоченного по особо важным делам.

Принесли завтрак. Оба принялись за еду, оставив всякие разговоры. Крячко долго и мучительно о чем-то размышлял, а потом, уже допивая кофе, сказал:

– Так, короче, как ты советуешь мне теперь поступить? Взять этого гада-Санька за жабры или плюнуть на него – пускай живет?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Гуров. – Мы сюда вообще-то за Базилем приехали. Допустим, твой Санек занимается контрабандой. С какого прибабаха мы вдруг с тобой станем в этом разбираться? Тут свое УВД имеется. А также пограничники и прочие службы контроля. Нет, это абсолютно не наше дело. Единственное, что тебе, может быть, стоит сделать, это сходить к своему гостеприимному родственнику и смазать ему по физиономии. Или хотя бы пугнуть хорошенько. Готов сопровождать тебя в этом опасном деле... Впрочем, не знаю – все-таки материя интимная, родственная... Решай сам!

– Легко сказать, решай сам! – Крячко покрутил головой. – Решай сам! А если эта задача не имеет решения? Я так надеялся на твой совет... Ты же обещал обмозговать!

– Вот я и обмозговал, – заметил Гуров, поднимаясь. –

Пойдем! Будем заниматься тем, за чем приехали...

Завтракая, Гуров внимательно рассматривал зал и людей, в нем находящихся. Ему было любопытно увидеть ту самую парочку, что обратила вчера на него столь пристальное внимание. Однако ни женщины, похожей на преподавательницу, ни костлявого мужчины на этот раз в ресторане не оказалось.

Тем не менее у выхода на крыльце случилось еще одно странное происшествие, не имевшее, впрочем, ничего общего со вчерашним, но оставившее неприятный осадок не только в душе Гурова.

Это снова была парочка. Но на этот раз мужчина и женщина выглядели по-другому. Они были моложе, и одежда на них была дорогой и сидела ладно – чувствовалось, что эти двое привыкли к полусветской жизни. Мужчина, русоволосый, со стальными глазами, высокий и широкоплечий, был в приталенном плаще нараспашку, из-под которого выглядывал модный темно-серый костюм. На женщине, платиновой блондинке с нежным овалом лица и синими бархатистыми глазами, было белое короткое платье и белая же курточка, отороченная пушистым мехом. В ее внешности было что-то ангельское, однако ее спутник, высокий и самоуверенный, вел себя с ней совсем не по-ангельски. Он грубо тянул ее за руку и, злобно кривя узкий рот, что-то выговаривал тихим, угрожающим голосом.

– Пусти же! – с отчаянием в голосе возражала ему женщина. – Я не хочу!.. Пусти!

Гуров и Крячко невольно остановились. Это был чисто условный рефлекс, и здесь даже не профессия имела первостепенное значение. Просто, как мужчины, они не могли спокойно смотреть на безобразное обращение с женщиной.

– Послушай, молодой человек! – довольно сердито начал Крячко. – Веди себя повежливее! Мне не нравится, когда женщинам причиняют боль, понятно? И никому не нравится. Так что приberi руки, если не хочешь неприятностей.

– Да-да, скажите ему! – горячо заговорила блондинка, бросая то на Крячко, то на Гурова умоляющие взгляды. – Я не хочу с ним идти, а он...

– Так, все ясно! – сказал Гуров, грозно надвигаясь на человека в плаще. – Немедленно отпустите женщину!

Похожий на истинного арийца красавец нехотя отпустил блондинку, но вовсе не казался обескураженным.

– Вот что, папаши! – процедил он сквозь зубы. – Не лезли бы вы не в свое дело! А то, знаете, что бывает с такими, которые лезут не в свое дело?

И он неожиданно бросился вперед на Гурова и что есть силы врезался в него литым плечом. Не ожидавший такого наглого нападения, Гуров не смог как следует уклониться и, получив чувствительный тычок, отлетел в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.